

Жун Юэ был рождён природным водным и древесным духом. Еще до того, как обрести человеческий облик, он дрейфовал в Болоте Духовного Моря, впитывая смену эпох и проникаясь великими озарениями, что уже давно были высечены в его сердце.

Он был ещё молод, и из уст столь юного существа подобные речи казались лишь дерзкой бравадой. Однако Даос Ячи отнёсся к ним с большим одобрением: Жун Юэ обладал собственным опытом и пониманием, а его способности ни в чём не уступали способностям Сюань Ли, так что говорил он с абсолютной уверенностью.

Спустя мгновение Даос Ячи покачал головой и с улыбкой произнёс:

— Не ожидал, что ты сумеешь поставить меня в тупик — поистине грандиозная оплошность. Поиск Пути — это в то же время и вопрос к собственному сердцу, к самому себе. Пусть ты и бросаешь вызов устоям, твои слова исходят из самой совести и всецело отвечают заветам острова Фуин. Храни верность своему истинному сердцу и впредь — в этом и заключается Великий Путь.

Услышав наставления Даоса Ячи, Жун Юэ понял их лишь наполовину, но всё же поднялся и почтительно поклонился старшему:

— Благодарю за поучения, шибо! Скажите, не жалеете ли вы теперь, что не взяли меня в ученики?

— Хм-м, с одним-единственным баламутом и так хлопот полон рот, аж земля содрогается! Лучше и дальше докучай своему наставнику и не смей мешать моему Сюань Ли!

Жун Юэ поджал губы:

— Я ко всем отношусь одинаково. Наставник и так то и дело бесится из-за меня, а вот Сюань Ли всегда держится стойко. Он вечно меня игнорирует, верно, просто закрывает все пять чувств и делает вид, будто меня вообще не существует.

Видя, что Жун Юэ снова принялся за своё болтовню, Даос Ячи тут же выпроводил экзаменуемого за дверь.

Пройдя первый день испытаний Пути, Жун Юэ чувствовал себя необычайно легко и воодушевленно. Вернувшись в Обитель Вопросов к Даосизму, он застал Сюань Ли уже на месте и с улыбкой произнёс:

— Представляешь, я столкнулся с твоим шифу! Он и правда мастерски задает каверзные вопросы, но меня ничто не способно поставить в тупик, хи-хи!

— И о чём же тебя спросил мой шифу? Неужели и после этого у тебя хватает наглости скалиться?

— Спрашивал про бессмертные летописи и техники, но я всё это помню наизусть. А напоследок он задал вопрос о Пути, и мой ответ его устроил, так что он меня пропустил.

— Неужели в вопросе о Пути ты ответил нечто вроде того, что небо и земля, мириады вещей живут по собственной воле и следуют велению сердца?

— О? Сюань Ли, а ты ведь и впрямь понимаешь меня! — Жун Юэ так обрадовался, что чуть не бросился обнимать Сюань Ли, но тот лишь помрачнел и оттолкнул его.

— Ты ведь порождение духов природы, рождённый самой матерью-землей, немудрено, что ты рассуждаешь подобным образом. Но в твоих словах и правда слышится искренность и врождённый дар.

Услышав похвалу из уст Сюань Ли, Жун Юэ и вовсе расплылся в улыбке, его глаза засияли от восторга. Уперев руки в бока, он заявил:

— Редко дождётся от тебя доброго слова, моё сердце так и трепещет от радости! Но почему ты вечно ходишь с таким мрачным и каменным лицом? Разве тебе не скучно? Вы же с Сюань Лин родные брат и сестра, почему же вы полные противоположности? И пусть старший брат равен отцу, твоя суровая мина и вправду кого угодно напугает!

Сюань Ли пропустил его слова мимо ушей, позволяя Жун Юэ болтать дальше. Однако в глубине души задетые слова товарища не давали ему покоя, и он невольно дотронулся до собственной щеки. Ему никогда раньше не приходилось задумываться о том, какое выражение лица он носит. Неужели его облик и вправду отталкивает людей на тысячу ли вокруг?

В этот момент раздался громкий смех Жун Юэ. Тот подошел к Сюань Ли и заглянул ему в лицо:

— Сюань Ли, что это ты делаешь?

Глядя на безразличное выражение лица Сюань Ли, который при этом зачем-то тыкал пальцем в собственную безупречную щеку, Жун Юэ счёл эту картину невероятно милой и трогательной. Он никак не ожидал от Сюань Ли такого. Усевшись напротив, Жун Юэ перехватил его руку и прижал к своей щеке, прищурившись с лукавой улыбкой:

— Хочешь узнать, какое у тебя выражение лица?

— Ай! Больно, больно, больно! — Жун Юэ лишь хотел подразнить Сюань Ли, но тот неожиданно ущипнул его прямо за щеку. Такой прыти от Сюань Ли он никак не ожидал. Схватившись за его руку, Жун Юэ скорчил невинную, умоляющую физиономию.

— Если будешь и дальше вести себя столь легкомысленно, рано или поздно тебе воздастся по заслугам! — Сюань Ли легонько пощипывал щёку Жун Юэ, ощущая под пальцами мягкую и нежную кожу, и ему почему-то совсем не хотелось её отпускать. Глядя на искривленное от

боли лицо юноши, он не удержался от тихого торжества.

— Ладно-ладно! Скинуть тебя тогда в воду было моей ошибкой, и щипать тебя сейчас тоже ошибка, но я просто не могу сдержаться! Сам виноват, что твой шифу вечно щиплет меня за щеки — теперь при виде любого человека у меня руки чешутся повторить. Среди столькоких Бессмертных лишь у тебя, Сюань Ли, самая приятная кожа! Обещаю, больше я к тебе не пристану.

Жун Юэ то ластился, то давал обещания, и лишь тогда Сюань Ли чуть ослабил хватку.

В это время к ним подбежала Сюань Лин. Заметив руку брата, застывшую возле щеки Жун Юэ, она замерла в полном замешательстве от столь невыразимой словами картины. Жун Юэ тут же вскочил, спрятался за спину девушки и, указывая на Сюань Ли, жалобно запричитал:

— Лин Лин-эр, твой братец обижает меня! Он жутко злопамятный: стоило мне в прошлый раз случайно столкнуть его в воду, как он тут же решил отплатить той же монетой!

Услышав это, Сюань Ли вновь принял свой привычный холодно-невозмутимый вид.

Наблюдая за ребяческой возней Жун Юэ, Сюань Лин не смогла сдержать улыбку и произнесла:

— Юэ-гэгэ, ты сам во всём виноват. Прекрасно же знал, что братец боится воды, и всё равно столкнул его. То, что он тебя живьём не прибил, уже великое чудо. Братец, прояви великодушие к глупцу, Юэ-гэгэ ведь поклялся, что больше так не будет.

Сначала Сюань Лин отчитала Жун Юэ, а затем тут же заступилась за него перед Сюань Ли — поистине искусно выстроенная речь. О боязни Сюань Ли к воде мало кто знал: об этом ведали лишь его сестра, сожитель по обители Жун Юэ да наставник Даос Ячи. Сюань Ли нередко удостоивался чести очищать костный мозг в Озере Очищения Сердца — подобная возможность выпадала раз в тысячелетие, но перед каждым погружением он был обязан принимать успокаивающую пилюлю. До тех пор, пока он не контактировал со стихией воды слишком близко, всё протекало благополучно.

Тут Жун Юэ поднял руку, поддакивая Сюань Лин:

— Угу-угу, клянусь! Если ты вдруг снова случайно упадешь в воду, я непременно прыгну за тобой — скорее сам захлебнусь, чем дам утонуть тебе!

Его наигранная забота рассмешила Сюань Лин. Впрочем, все знали, что Жун Юэ как никто другой обожал воду и чувствовал себя в ней свободнее рыбы.

Мелкая буря улеглась, и Сюань Ли хранил молчание. Тогда Жун Юэ повернулся к Сюань Лин:

— Лин Лин-эр, зачем ты пришла? Завтра ведь меч-экзамен, разве тебе не нужно потренироваться?

— Шифу велел мне разыскать братца, — ответила Сюань Лин. — Старший сородич Фэй Си отлучился по делам, так что завтра экзаменатором по владению мечом будешь ты, братец. Сжался над нами завтра и не будь слишком строг.

Среди всех учеников острова Фуин на ступени Духовного Человека Сюань Ли был сильнейшим, так что лучшей кандидатуры на роль экзаменатора по мечу просто не сыскалось бы.

— Хорошо, — бесстрастно отозвался Сюань Ли.

Сюань Лин давно привыкла к подобной сухости брата и непринужденно продолжила болтать. Поболкав еще немного втроем, они разошлись.

На следующий день начался меч-экзамен. Сюань Ли в роли экзаменатора вёл себя безупречно честно и не делал никому никаких поблажек. Ни один из сражавшихся с ним учеников не смог одержать победу, и даже его младшая сестра не продержалась против него и нескольких ударов, хотя её мастерство заметно выросло и заслуживало всяческих похвал. После поединков он справедливо распределил классы для занятий: высший класс Цзя, средний — И, низший — Бин. Во время испытаний Сюань Ли с бесстрастным лицом и ровным дыханием встречал каждого претендента, заставляя всех лишь изумляться его силе.

В итоге по результатам испытаний Жун Юэ занял класс Цзя, Сюань Лин — класс И, а остальные распределились по своим местам.

На третий день пришла очередь проверки духовного сознания — самое таинственное из всех испытаний.

Более двух сотен учеников сидели в главном зале с закрытыми глазами, направляя своё духовное сознание к нефритовым шарам, парящим у них над головами. Внутри каждого шара таился целый мини-мир. Обладатели мощного духовного сознания или те, кому улыбалась удача, могли укрепить там свою судьбу и разум без всякого вреда для тела. Порядок возвращения духовного сознания в физическую оболочку определял итоговый рейтинг, который вкупе с результатами экзаменов по Пути и мечу формировал общую табель успеваемости ежегодного экзамена Хайтан Чи.

Приключение внутри светящихся резных нефритов было захватывающим: скорее счастливый дар судьбы, о котором мечтали многие, нежели простое испытание.

Резные нефритовые шары являлись реликвией острова Фуин, передаваемой из поколения в поколение, уступая по силе лишь божественному Дереву Десяти Тысяч Весен. Этот артефакт звали Юй, и внутри него таился целый мир. Каждый год во время экзамена Хайтан Чи, когда ворота Юй отворялись, пейзажи внутри менялись до неузнаваемости, и порой удача позволяла зародить там даже истинный бессмертный артефакт.

На сей раз приключение в мире Юй подошло к концу. Сюань Ли выбрался наружу первым,

следом за ним тут же выскочил Жун Юэ, а за ними подтягивались и остальные ученики. Когда были оглашены итоговые результаты экзамена Хайтан Чи, очередной год подошел к концу.

Рейтинг оказался вполне предсказуемым: Сюань Ли вновь завоевал первенство, а новоиспечённый Жун Юэ неожиданно для всех занял второе место, чем немало порадовал Бессмертную Пань Юй.

Этой же ночью Сюань Ли занимался чтением в Обители Вопросов к Даосизму. Жун Юэ долго не возвращался, и Сюань Ли невольно поднял взгляд к окну. Вскоре до него донёлся тонкий аромат, и он увидел Жун Юэ: тот нёс винный кувшин и, ступая в лунном свете под лёгким ветерком, переступил порог обители. Заметив Сюань Ли, он радостно семенил к нему навстречу.

— С каких это пор на острове Фуин разрешено распивать алкоголь? — холодно произнёс Сюань Ли. На острове действовал строжайший запрет на спиртное, тем более запрещалось проносить его в жилые помещения — за это полагалось суровое наказание.

Жун Юэ взмахнул кувшином:

— Правила существуют для мертвецов, а живые умеют их обходить! Я сегодня в прекрасном настроении, с чего бы мне не выпить? К тому же я никогда в жизни не пробовал вина. Второй дядюшка так вкусно расписывал мне его вкус, уверяя, что от него можно забыться в хмельном дурмане. Сегодня мы гуляли с Фэйлуном, и он подарил мне целый кувшин. Сюань Ли, может, и ты отведаешь глоточек?

Жун Юэ испытующе заглянул ему в лицо, но Сюань Ли даже не поднял глаз, оставаясь совершенно равнодушным.

После событий с бессмертной сектой острова Фуин отношения Фэйлуна и Жун Юэ заметно потеплели. Хотя Жун Юэ был значительно младше Фэйлуна, они сошлись на правах братьев, не разлей вода, и вечно пропадали вместе, предаваясь шалостям. Большинство проходов Жун Юэ не обходилось без участия Фэйлуна.

— Перестань водиться с Фэйлуном. Когда ты следовал за вторым дядюшкой, то набрался у него лишь бунтарских замашек, а теперь связался с Фэйлуном — чему хорошему ты у него научишься? — с укором произнес Сюань Ли, хотя в голосе его звучала лишь забота.

— Какие же они интересные люди! Не то что ты — сухарь сухарем, от тебя никакой радости. И с чего это мне достается за обычную выпивку? Не хочешь со мной возиться — так и скажи, вали отсюда. Но вина я тебе всё равно не дам, даже не мечтай!

Жун Юэ направился к своей комнате, намереваясь приложиться к кувшину, но внезапно с испуганным криком вылетел оттуда обратно. В панике он подпрыгнул и мёртвой хваткой вцепился в Сюань Ли, повиснув на нём.

Их взгляды встретились. Они долго смотрели друг на друга, не в силах отвести глаз.

Лишь спустя долгое время Жун Юэ спрыгнул на пол, похлопал себя по груди, пытаясь унять сердцебиение. По жизни он никого и ничего не боялся, но стоило ему столкнуться с тем, чего он страшился больше всего на свете... Если бы Сюань Ли заметил это, разве не стал бы смеяться над ним всю оставшуюся жизнь?

— В чём дело? В вине был яд?— Эм, примерно так. Что за вино дал мне Фэйлун? Внутри него оказалась какая-то гадость, и еще... змея! — упомянув змею, Жун Юэ невольно содрогнулся, даже вспоминать об этом не хотелось.

Фэн Цицзюнь Сюань Ли заглянул в комнату Жун Юэ: на полу валялись осколки винного кувшина, а наружу вылезла замаринованная в вине змея. Это была обычная человеческая змеиная настойка, обладающая тонизирующим и укрепляющим свойствами, которая для бессмертных не имела никакой практической пользы. Фэйлун, судя по всему, принес вино без всякого умысла, но при этом страшно испугал Жун Юэ, ведь тот панически боялся змей.

— Это человеческая змеиная настойка, Фэйлун принес ее тебе с каким-то умыслом. Ты разве не прожил в Болоте Духовного Моря добрых две сотни лет? Столько времени прошло, а ты до сих пор боишься змей.

Услышав легкую насмешку Фэн Цицзюнь Сюань Ли, Жун Юэ скрестил руки на груди, отвернулся и, пройдя в гостиную, опустился на стул:

— В Болоте Духовного Моря все змеи разбегались от одного моего вида! Я... я больше всего на свете боюсь этих извивающихся тварей с клыками. Фэйлун наверняка сделал это нарочно. И правда, чужое вино пить нельзя, впредь лучше самому заниматься виноделием.

Позже Жун Юэ ворчал про себя, что и сегодняшнее вино пролилось на землю, настроение было испорчено, а вечер — безнадежно испорчен.

Глядя на довольно напуганный и немного съежившийся вид Жун Юэ, Фэн Цицзюнь Сюань Ли невольно улыбнулся уголками рта. Он-то думал, что этот человек ничего на свете не боится, но в таком состоянии Жун Юэ казался куда более милым, чем в свои обычные надменные моменты. Фэн Цицзюнь Сюань Ли отвернулся и легко взмахнул пальцем — осколки кувшина и змеиная настойка в комнате Жун Юэ мгновенно исчезли.

Цветы хатхорна пьянят в своем безумии, суетный мир полон радостных мгновений. Сотни лет сменялись днями и ночами, проплывая сквозь тихие ручьи и бурные волны, и незаметно для самих себя многие вещи они запомнили навсегда.

Книга вторая. Воспоминания бессмертного: Остров Фуин. Глава двадцать вторая. Мысли, рожденные ветром.

Спустя пятьдесят лет после прибытия Жун Юэ на Остров Фуин дочери Даоса Ячи, Ни Инь, исполнилось ровно сто пятьдесят лет — она достигла минимального возраста для поступления на Остров Фуин. Ее тоже доставили на остров и поручили заботам Даоса Ячи, под руководством которого она начала свой путь в обучении и культивации.

В день ее прибытия Фэй Си встречал гостей лично. В то время Ни Инь была еще совсем маленьким, невероятно очаровательным ребенком. Фэй Си вел ее за руку, а вокруг них бушевал созданный с помощью магии цветочный дождь и порхали иволги, оставив у многочисленных учеников неизгладимое впечатление. Всюду, где бы она ни появлялась, повторялось то же самое, и молва о ее страсти к пышным церемониям и роскоши распространялась все дальше, хотя порой всё обстояло совсем иначе.

По распоряжению Даоса Ячи Ни Инь сначала обучалась у мягкосердечного Фэй Си, но позже стала то и дело прибегать в павильон Хэи к Фэн Цицзюнь Сюань Ли, докучая ему просьбами обучать ее лично. В конце концов Даос Ячи отдал приказ Фэн Цицзюнь Сюань Ли взять Ни Инь в ученицы. Жун Юэ же заглядывал туда все чаще, и порой Сюань Лин, наблюдая за ними со стороны, замечал, что мелкие стычки между Жун Юэ и Ни Инь смахивают на... борьбу за внимание.

Тогда, среди встречавших новоприбывших учеников, Жун Юэ спросил Фэн Цицзюнь Сюань Ли:

— И впрямь есть в нем что-то от истинного даоса, только эта пышность и правда пугает. Зачем устраивать такое представление из-за какого-то ребенка?

— Возможно, она просто такая от рождения. Ступай спроси Бессмертную Пань Юй, она, пожалуй, знает об этом больше.

Позже Жун Юэ действительно отправился к своей наставнице Бессмертной Пань Юй, но полученный ответ полностью подтвердил слова Фэн Цицзюнь Сюань Ли: дело было вовсе не в показухе со стороны Ни Инь — всё зависело от ее врожденной конституции.

Даос Ячи взял в жены весьма необычную богиню, подносящую цветы, и рожденная ею дочь Ни Инь всюду, куда бы ни ступала, приносила с собой цветочный дождь и стаи иволг. Пока она была мала, то еще не умела это контролировать, но стоило ей испытать радость, как магия вновь проявлялась сама собой — поистине редкое зрелище.

Вот только история, обрастая слухами по принципу испорченного телефона, превратилась в байку о том, что Ни Инь просто обожает пускать пыль в глаза, и никто даже не попытался узнать правду. Напоследок Бессмертная Пань Юй не преминула упомянуть Даоса Ячи: если бы он сам не любил окружать себя роскошью, разве стал бы жениться на богине цветов?

Судя по всему, между Бессмертной Пань Юй и Даосом Ячи сохранились глубокие чувства от прошлых лет и целая вереница странных историй, что порой заставляло воображение Жун Юэ рисовать самые невероятные картины.

В те дни, навещая Фэн Цицзюнь Сюань Ли в его новом жилище — павильоне Хэи, — Жун Юэ завел об этом разговор и со смехом произнес:

— Сюань Ли, почему бы тебе не заняться гаданием? Одно твоё слово точнее любого оракула.

— Когда слухи передаются из уст в уста, все начинают верить лжи. Зачем вспоминать о правде? Проще всего не обращать внимания — это лучший выход.

Жун Юэ кивнул и снова спросил:

— А если бы обо мне поползли какие-нибудь странные, невероятные слухи, ты бы поверил?

Фэн Цицзюнь Сюань Ли на мгновение замер, а затем ответил:

— Какие о тебе могут быть странные слухи? Разве что я увижу всё своими глазами, во всё остальное я не поверю.

— Даже увиденное своими глазами не всегда оказывается правдой. Только если ты веришь мне и знаешь меня вдоль и поперек, тебя не смогут ослепить чужие слова, — возразил Жун Юэ, чувствуя в глубине души непреодолимый порыв добиться от Фэн Цицзюнь Сюань Ли твердого обещания, прежде чем успокоиться.

— С чего это ты завел такие странные разговоры? — удивился Фэн Цицзюнь Сюань Ли.

Хотя Фэн Цицзюнь Сюань Ли и Жун Юэ прожили вместе под одной крышей пятьдесят лет, позже, по мере достижения ими уровня бессмертных и мощного роста духовной силы, им выделили новые обители: Фэн Цицзюнь Сюань Ли поселился в павильоне Хэи, а Жун Юэ — в Синьюэцзюй. Две эти локации находились довольно далеко друг от друга, но это не мешало Жун Юэ каждый день проявлять завидное упорство и навещать в гости, словно Хэйгуань был его собственным домом. Сюань Ли со временем привык к этому, позволяя ему озорничать и даже творить всякие бесчинства. Сам же Сюань Ли оставался непоколебимым, словно гора, порой проявляя к Жун Юэ теплоту, а порой — холодную отстраненность.

— Я просто вдруг подумал: больше всего на свете я боюсь, что ты мне не доверяешь, — внезапно с такой серьезностью произнес Жун Юэ.

Эта фраза прозвучала как глубокое признание в любви, в одночасье перевернув всё внутреннее опустошение. Пожалуй, в глазах Жун Юэ Сюань Ли был тем, кого никто другой не смог бы заменить.

Сюань Ли не нашелся что ответить и лишь мельком взглянул на Жун Юэ. Тот же продолжал неотрывно смотреть на Сюань Ли, не желая отводить глаз.

В тишине Хэйгуаня проявился Фэн Цицзюнь Сюань Ли, которого никто из них не видел. Он только что пришел от Сюань Лин. В его памяти всплыл этот давний разговор с Жун Юэ,

отчетливый, словно всё произошло только вчера, и слова Жун Юэ вновь зазвучали у него в ушах.

Та тяжелая фраза о доверии словно повисла в пустоте. Жун Юэ хотел, чтобы он опирался на факты, ведь то, что видишь и слышишь, не всегда является правдой. Был ли это намек на предчувствие будущего? Жун Юэ больше всего на свете боялся, что они станут врагами и перестанут доверять друг другу. Жун Юэ всегда доверял Сюань Ли больше всего на свете и в любой ситуации был готов вверить ему свою жизнь и судьбу. Сюань Ли же, напротив, этого сделать не сумел.

В глубине души он хотел поступить иначе, но то, что он видел, ослепляло его сердце. Истина еще не была раскрыта, а слухи уже посеяли смуту в его душе. Он никого не слушал, но обманул сам себя.

Глядя на то, как Жун Юэ искренне смотрит на него, юного, Фэн Цицзюнь Сюань Ли невольно шагнул вперед, желая коснуться лица Жун Юэ, но рука прошла сквозь пустоту. Вскоре Жун Юэ ушел, возвращаясь в свою обитель Синьюэ.

В сновидении Жун Юэ пятьдесят лет пролетели как одно мгновение. Сюань Ли не чувствовал течения времени, он не знал, как выбраться из этого сна, и оставалось лишь ждать, когда тот рассеется.

Когда перед глазами возникло Дерево Десяти Тысяч Весен и та запылившаяся память вновь ожила, он увидел всё в ином свете. Сюань Ли пронзительно и отчетливо чувствовал: в том прошлом было много такого, о чем он и не подозревал. Жун Юэ, которого он никогда не пытался по-настоящему понять, теперь, со стороны, предстал перед ним как на ладони. Он также понял, что незаметно для самого себя впустил Жун Юэ в свою жизнь.

Что касается обожания, которое Ни Инь питала к Сюань Ли, Жун Юэ недоумевал. Расспросив Сюань Лин, он узнал, что это началось очень давно. Оказывается, Сюань Ли когда-то долгое время опекал Ни Инь. Когда родители Сюань Ли и Сюань Лин были еще живы, они очень любили Ни Инь, и та всегда старалась быть рядом со Сюань Ли. Теперь, повзрослев, Ни Инь стала еще сильнее тянуться к нему.

Глядя на Жун Юэ, подперевшего щеку рукой, Сюань Лин прикрыла рот ладонью и засмеялась: Брат Юэ, неужели ты приревновал? Почему ты такой рассеянный, словно мечтаешь улететь к моему брату?

Жун Юэ недовольно хмыкнул: С чего бы мне ревновать? Стал бы я ревновать к взрослому мужчине! Я не сосуд с уксусом, к тому же уксус кислый, а вино куда приятнее.

Ни Инь — драгоценная дочка нашего наставника, конечно, мы ее балуем. Да и мы сами не смеем ей перечить, старший брат Фэй Си и мой брат тоже ей потакают. Она еще мала, мы не обращаем внимания. Только ты, брат Юэ, можешь спорить с небом и землей, препираясь с Ни Инь, как ребенок. Ты не знаешь, как забавно мой брат наблюдает за вами со стороны — я еле

сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться в голос.

Только тогда Сюань Лин решилась высказаться и рассмеяться вволю. Своими маленькими секретами она делилась только с Жун Юэ — в ее сердце Жун Юэ и Сюань Ли занимали равное по важности место.

Почему я этого не замечал? Помню, он всегда сидит с таким важным видом, даже не смотрит в нашу сторону, — глаза Жун Юэ загорелись, он внезапно воодушевился, и хотя вслух ничего не сказал, на душе стало гораздо легче.

Ты просто не разглядел. У братца такие забавные выражения лица бывают, обычным людям их не заметить. Только я, его младшая сестра, выросшая с ним, могу понять, что у него на уме, — улыбнулась Сюань Лин.

В конце концов, я так и не смог его уговорить. В следующий раз снова позову его разделить чашу вина.

Брат не пьет вина, как же ты его напоишь?

Это... не знаю. Второй дядя на днях приходил, принес мне принадлежности для виноделия, я как раз собираюсь попробовать. Когда сделаю, дам тебе, Линлин, попробовать мое мастерство. Я тайно научился у Бессмертного Вина, посмотрим, будет ли хуже, — с предвкушением сказал Жун Юэ.

Разговор двоих плавно перетек в обсуждение того, как напоить Сюань Ли. Чем дальше, тем интереснее становилось, они хохотали до колик, и поневоле закрадывалось сомнение: Сюань Лин точно родная сестра Сюань Ли?

Никто не мог понять беспомощного выражения лица Фэн Цицзюня Сюань Ли, который слушал их оживленный разговор. Он невольно вспомнил тот единственный раз, когда сам напился, — но это случилось еще очень нескоро.

На следующий день второй дядя Сюань Ли, Сюань Лун, пришел навестить их. Он рассказал несколько житейских историй и передал Жун Юэ всё необходимое для виноделия. Вскоре Жун Юэ отправился со Сюань Луном на сбор трав за пределы острова, и как только они прибыли на место, случилась беда.

<http://bllate.org/book/21161/2144539>